

Андрей МАКСИМОВ

**КТО ВАМ СКАЗАЛ,
ЧТО ВЫ ЖИВЫ?**

психофилософский роман

МОСКВА
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М 17

**Издательство выражает благодарность
литературному агенту Светлане Поляковой за помощь в получении прав**

При оформлении обложки
были использованы фотоматериалы
Дмитрия Брикмана

Максимов, Андрей.

М 17 Кто вам сказал, что вы живы? Психофилософский роман. /
Андрей Максимов. — Москва : Издательство АСТ, 2018. —
256 с. — (Проза Андрея Максимова).

ISBN 978-5-17-110645-4.

Любовь. Секс. Самоубийство, которого не было. Труп, принадлежащий
другому.

Тишина заменит жизнь отцу. Суета заменит жизнь сыну.

Они расстанутся, не замечая друг друга. И встретятся, когда сын придет к
отцу после собственной смерти.

Новый роман Андрея Максимова — абсолютно необычен. Он заставит
Вас плакать, смеяться, а, главное, думать.

Этот роман не надо пересказывать. Его надо читать.

Андрей Максимов — известный журналист, писатель, радио- и телеведу-
щий, театральный режиссер. Колумнист «Российской газеты». Автор бестсел-
леров «Психофилософия», «Как не стать врагом своему ребенку», «Психофи-
лософия 2.0» и др.

**УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-17-110645-4.

© Андрей Максимов, текст
© ООО «Издательство АСТ»

— Скажи, пожалуйста, ты можешь объяснить, что отличает взрослых от детей?
— Конечно. У детей постоянно что-то происходит, а у взрослых не происходит ничего.

Из разговора
с одиннадцатилетней девочкой
Майей.

***Моему младшему сыну Андрею —
с благодарностью за дружбу.***

*Мой труп лежал передо мной.
Мерзкий и отвратительный.
А каким еще и должен быть труп?
Ну все, самое страшное произошло: я умер. Теперь бояться нечего, и можно существовать спокойно.
Я умер, и у меня больше нет никаких воспоминаний. Это самое главное: никаких воспоминаний у меня больше нет.
Просто так представил. Почему нет?
Я даже вздохнул облегченно.
И тут мой труп... зашевелился.*

НАЧАЛО

РАЗ... РАЗ... Отлично!
Поехали!

Мне пятьдесят лет. Я работаю звукорежиссером в знаменитом московском театре. У меня есть жена, сын и периодически появляющиеся любовницы. Еще у меня есть язва желудка. Лысина, которая постепенно и нагло оккупирует мою голову (надеюсь, только снаружи). Иногда я представляю себе лысину внутри — эдакая пустота на месте мозгов, которая все расползается и расползается...

Еще у меня есть имя и фамилия, которые столь же обычны, как и вся моя жизнь. Меня зовут Сергей Сергеевич Петров. И сына моего зовут Сергей Сергеевич Петров. И его сына будут так звать. И мы станем множить количество обычных, никому не нужных людей, которые родились для массы.

Я давно понял: есть люди, которые рождаются для движения. Они двигают эту жизнь — иногда куда надо; иногда — к пропасти. Жизнь движется людьми. Избранниками.

А есть масса, которая сдерживает это движение, чтобы не понесло человечество хрен знает куда. Мы — тупое, бессмысленное, жующее ничто, мешающее прогрессу. Мы называемся «обыкновенные люди».

Назвали нас так, разумеется, те, кто считает себя необыкновенными. И они правы. Мы — обычные. Поддерживающие обычаи. Мешающие движению. Жующие что дадут. Зарабатывающие сколько позволят. И я — такой. И сын мой такой. И его дети будут такими.

Потому что движитель ты или масса — это не от тебя зависит. Это карма такая.

Карма — это что такое? Неясное веление Божие. Господь что-то там решил, и ты теперь так будешь жить. И ты. И потомки твои. Попадем к Нему, тогда выясним, отчего такое происходит.

А пока — так.

Я сбился.

Вот всегда так: задумываю про что-то одно сказать и сбиваюсь. Потому что поговорить не с кем. Как только начинаешь сам с собой беседовать — остановиться невозможно.

Я люблю звук. Мы-то все больше воспринимаем мир как картинку. Даже придумали беззвучные социальные

сети и смеем называть общением эту бессмысленную, беззвучную переписку.

Как можно общаться с человеком, если его не слышишь? Ведь даже глаза могут врать, а голос — никогда. И волнение, и любовь, и страсть — все выдаст голос.

Глаза — друзья. А голос предатель.

Я люблю звук, потому что он — настоящий. Фальшь слышна всегда.

Обожаю фразу Станиславского: «Открылся занавес, и актеры начали врать».

Он может выйти, актер... Или нет — актриса, красотка такая... Вроде Ирки...

Нет, про Ирку не думать сейчас, не думать... Пока есть время не думать — надо не думать.

Тем более не актриса она. При чем тут?

Так вот. Про звук. Она может выйти, актриса... Красотка вся. Груды рвутся из платья. Ноги отмеряют сцену, как циркули...

К зрителям повернется — груди вываливаются. Отвернется — все на задницу пялятся. Пойдет — циркули меряют сцену — не оторваться.

А рот откроет — и все. Первые звуки голоса возникнут, и прям по Станиславскому: врет.

В женщине что главное?

Голос. Ко всему остальному можно привыкнуть, а голос вот если бесит в телефоне — тогда все, кранты. Без вариантов.

В начале было слово. Но слово было сказано. Звук был в начале. Вот в чем дело.

Опять сбился.

Куда меня несет все время?

Нельзя вернуться к тому, что сказано. К тому, что прочитано, — можно. А к сказанному — нет.

Нельзя сказать: мол, вернитесь к тому, с чего я начал, потому что я продолжил так-то и так-то, а хотел смяк-то и смяк-то...

Когда пишешь — да. А когда говоришь — невозможное дело.

А я все это говорю. Наговариваю зачем-то.

Зачем?

Потому что это создает иллюзию общения.

Да — иллюзию. Но все-таки общения.

С магнитофоном мне, честно говоря, больше нравилось общаться, однако и с компьютером тоже можно.

Люди зачем друг с другом разговаривают? К чему звуки эти бестелесные запускают в воздух?

Чтобы они зафиксировались в голове собеседника. И больше ни для чего.

И больше им фиксироваться негде.

Разговор — это фиксация собственных мыслей в чужой голове.

Дурацкое занятие, если вдуматься. А вот компьютер фиксирует на самом деле. Навсегда.

Слово не воробей, говорите? Вылетит — не поймашь, убеждаете?

Еще как поймашь этого воробья!

Вот сидит воробушек... Слово это... Могу громче его послушать — могу тише. Могу порезать, переставить, поменять смысл... Все могу с этим словом, пойманным, сделать.

Все, что угодно.

Я выключаю компьютер и смотрю на часы.

Часы смотрят на меня.

Когда я смотрю на часы, я вижу, как проходит время.

Когда часы смотрят на меня, они видят ровно то же самое: проходит время.

У меня старые часы. Не фирменные. Они долго на меня смотрят. И они уже очень хорошо поняли, как время проходит.

Смотрю в зеркало.

Кто придумал повесить зеркало в будке звукорежиссера — не знаю, но висит. И я в него смотрю.

А оно смотрит в меня.

Я отражаюсь в зеркале. А зеркало во мне не отражается. Зеркало никогда себя не видит.

Зеркало видит меня. И я вижу себя. И картина эта меня не радует.

А Ирку радует.

Она утверждает, что я — красивый мужчина.

Врет?

Когда говорит, что красота в мужчине для нее не главное — точно обманывает.

А вот когда про меня — не знаю...

Если бы она была актриса, я бы ей не поверил точно.

Но она не актриса.

Я смотрю на часы.

Часы смотрят на меня.

Она придет уже сейчас. И надо будет решаться на что-то.

— Ира, тебя не смущает, что у меня есть жена?

Она смотрела на меня снизу вверх, изо всех сил стараясь, чтобы взгляд ее был преданным.

— Главное, что это не смущает тебя, правда? Тебя ведь давно это не смущает?

И снова — взгляд снизу вверх.

Женщина, которая хочет любви, всегда говорит так, словно знает про тебя нечто такое, чего другие не ведают.

«Тебя ведь не смущает, что у тебя есть жена».

Она не спросила. Нет, не спросила. Она утверждала.